

Личныя извѣстія.

Памяти профессора Ивана Николаевича Горожанкина.

(† 7 ноября 1904 г.)

(Съ портретомъ).

Седьмого ноября 1905 г. исполнилась первая годовщина со дня смерти профессора Московскаго Университета И. Н. Горожанкина. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ вошелъ онъ въ число университетскихъ преподавателей, сначала какъ доцентъ, а затѣмъ какъ избранный профессоръ (въ 1881 г.). Его дѣятельность началась въ автономномъ Университетѣ, но большая

часть ея прошла въ ту эпоху, которая отмѣчена дѣйствіемъ устава 1884 г. Подъ вліяніемъ завѣтовъ своего времени И. Н. вступилъ въ Университетъ молодымъ идеалистомъ, полнымъ безграничнаго уваженія и любви къ Университету, такимъ же сошелъ онъ и въ могилу, не смотря ни на измѣнившійся духъ времени, ни на иныя условія университетской дѣятельности.

Скромный и застѣнчивый по своей природѣ, И. Н. не выступалъ ни въ качествѣ общественнаго дѣятеля, ни лектора публичныхъ курсовъ, и имя его б. м. мало знакомо широкой публикѣ,

меньше во всякомъ случаѣ, чѣмъ онъ этого заслуживалъ. Но тѣмъ, кто имѣлъ возможность ближе съ нимъ познакомиться, тѣмъ не забыть крупной и оригинальной личности покойнаго профессора, чутко понимавшаго молодое поколѣніе, умѣвшаго словомъ и дѣломъ отозваться на нужды всякаго, кто къ нему обращался. Какой-то суровый, неумолимый рокъ тяготѣлъ надъ всей жизнью И. Н.-ча, отнявшій у него то, что болѣе всего цѣнится человѣкомъ — его личное счастье. Еще молодымъ потерялъ онъ свою жену, и эта потеря разбила навсегда его жизнь. Тяжелая болѣзнь удручала его въ послѣдній періодъ его дѣятельности, парализуя его выдающіяся умственные силы и обрекая его на вынужденное бездѣйствіе. Его научная дѣятельность началась также при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Оставленный при Университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности, онъ имѣлъ, казалось, передъ собой опредѣленную дорогу. По выдержаніи экзамена на магистра и сдачи диссертациі, его должна была ожидать заграничная командировка, во время которой онъ могъ бы закончить подъ руководствомъ лучшихъ европейскихъ авторитетовъ свое специальное образованіе. Такимъ образомъ слагалась, по крайней мѣрѣ, научная карьера многихъ изъ его сверстниковъ. Но И. Н. не былъ баловнемъ судьбы.

Еще во время его студенчества умеръ одинъ изъ московскихъ ботаниковъ, профессоръ Кауфманъ, а другой проф. Чистяковъ былъ сильно боленъ и большую часть времени проводилъ за границей. И в. Ник. остался одинъ, безъ указаній и поддержки со стороны спеціалиста, и его первыми руководителями на трудномъ поприщѣ научной и преподавательской дѣятельности были два профессора зоологін С. А. Усовъ и Я. А. Борзенковъ, изъ которыхъ особенно послѣднему былъ многимъ обязанъ молодой ботаникъ при началѣ своей научно-преподавательской дѣятельности въ Московскомъ Университетѣ. Вскорѣ послѣ окончанія курса, И. Н.-чу пришлось взять на себя два трудныхъ и отвѣтственныхъ дѣла — преподаваніе въ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ, т. н. Лубянскихъ, Курсахъ. Ему приходилось одновременно и самому учиться и пробывать себѣ совершенно самостоятельно путь въ томъ научномъ направленіи, которое онъ избралъ своей специальностью, и учить другихъ, и добывать себѣ заработокъ. А къ этому всему присоединилось новое большое и отвѣтственное дѣло — завѣдываніе Ботаническимъ Садамъ и Ботаническимъ Кабинетомъ.

Вмѣсто того, чтобы по окончаніи курса въ Университетѣ и сдачи магистерскаго экзамена докончить свое специальное образованіе въ научныхъ центрахъ З. Европы, И. Н., какъ мы видѣли, почти сразу сдѣлался и учителемъ, и завѣдывающимъ большими учрежденіями, и долженъ былъ продолжать свое научное развитіе одинъ, безъ руководителей. Онъ долженъ былъ сдѣлаться самоучкой. Это обстоятельство положило большой отпечатокъ на всю дальнѣйшую дѣятельность И. Н., на его отношенія къ людямъ, на его научныя работы, на его преподаваніе. Разбираясь шагъ за шагомъ безъ посторонней помощи въ научныхъ вопросахъ, избравъ

своей специальностью ту отрасль ботаники, которая мало разрабатывалась въ Московскомъ Университетѣ, онъ рано привыкъ больше всего цѣнить фактическую сторону изслѣдованія и не увлекаться скороспѣлыми теоріями. Достигая всего самъ, безъ чужой помощи, онъ не могъ не уважать самостоятельности и личнаго почина во всякой работѣ, и всегда былъ оригиналенъ. Развиваясь въ качествѣ ученаго и учителя, слѣдуя своей собственной тропой, онъ привыкъ полагаться только на свои силы и серьезно и внимательно оцѣнивать всякій фактъ, медленно разбираясь въ немъ и составляя свое мнѣніе, но мнѣніе это было твердо, и съ него невозможно было сдвинуть И. Н. - ча.

Эта привычка вдумчиво относиться къ каждому даже мелкому событію, оцѣнивать его всесторонне, удерживала И. Н. отъ поспѣшныхъ заключеній, отъ поступковъ наобумъ, въ которыхъ ему пришлось бы потомъ раскаиваться, и выработала въ немъ рѣдкій исключительный объективизмъ. Та же жизненная школа, черезъ которую онъ прошелъ, приучила его честно и добросовѣстно со всей обстоятельностью относиться ко всякому дѣлу, и онъ или не брался за работу, или, если брался, то доводилъ ее до конца.

Вся дѣятельность И. Н., какъ организатора, какъ ученаго и учителя, носитъ одинъ общій характеръ. Ее легко можно опредѣлить одной фразой — мало словъ, много дѣла.

Здѣсь не мѣсто перечислять, что оставилъ послѣ себя И. Н. и что получилъ онъ въ свое завѣдываніе изъ университетскихъ учреждений. Всякій, кто могъ быть свидѣтелемъ его организаторской дѣятельности, можетъ указать, какъ запущенный и бѣдный Ботаническій Садъ превратился въ одинъ изъ лучшихъ университетскихъ садовъ, какъ вмѣсто павильона, годнаго лишь для храненія садовой мебели и бывшаго единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было работать, выросла прекрасно обставленная Лабораторія Ботаническаго Сада — любимое дѣтище И. Н.; какъ на мѣсто стараго и тѣснаго Ботаническаго Кабинета организовался прекрасный Криптогамическій Институтъ, которому однако не суждено было долго развиваться подъ руководствомъ И. Н., и откуда, изъ маленькой ассистентской квартирки, проводили его на мѣсто вѣчнаго покоя — на Пятницкое кладбище.

И нельзя не указать, что лишь въ самое послѣднее время, при устройствѣ Криптогамическаго Института, въ распоряженіи Университета находились сколько-нибудь значительныя средства. Все остальное дѣлалось на гроши и могло быть создано лишь благодаря той энергіи и любви къ дѣлу, которыя при этомъ были приложены.

Какъ ученый И. Н. отличался всѣми тѣми особенностями, которыя были выработаны имъ изъ жизненной практики. Его скромность въ этомъ отношеніи была можно сказать чрезмѣрна; работая долгіе годы надъ извѣстными вопросами, имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ законченныхъ прекрасныхъ изслѣдованій, онъ оставлялъ ихъ лежать въ своемъ столѣ, находя ихъ то недодѣланными, то считая ихъ незаконченными, то не достаточно интересными для

печати, а то лишь частями обширнаго цѣлаго, надъ которымъ онъ работалъ. Онъ печаталъ лишь по неволѣ. Свой большой трудъ по исторіи развитія голосѣмянныхъ, надъ которымъ онъ работалъ много лѣтъ, опубликовалъ онъ только отчасти да и то по-русски, ограничась краткими замѣтками на нѣмецкомъ языкѣ, не смотря на рядъ въ высшей степени цѣнныхъ результатовъ и блестящее открытіе, которое онъ сдѣлалъ въ области своего изслѣдованія. Глубоко интересуясь своей работой, понимая ея конечныя задачи, И. Н. не могъ докончить начатаго, не имѣя возможности пользоваться тѣмъ матеріаломъ, котораго не было подъ его руками и за которымъ нужно было ѣхать въ далекія внѣевропейскія страны.

Та же судьба постигла и два его другихъ большихъ труда. Одинъ изъ нихъ — по водорослямъ, составлявшій продолженіе его магистерской диссертациі, былъ имъ опубликованъ въ началѣ 90 годовъ и сразу привлекъ къ себѣ вниманіе специалистовъ, сдѣлавшись классическимъ въ своей области и войдя въ различные заграничные учебники своей большей частью. Но и этотъ трудъ былъ лишь введеніемъ въ обширное изслѣдованіе, часть котораго была выполнена и лежала погребенной въ его бумагахъ, а другая оставалась не вполне законченной.

Другой трудъ И. Н. — его замѣчательный учебникъ — курсъ архегоніальныхъ растений, который онъ такъ любилъ и который налагалъ много лѣтъ подрядъ, былъ написанъ и изданъ литографскимъ путемъ еще въ началѣ его преподавательской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ И. Н. подвергалъ его многочисленнымъ переработкамъ и передѣлкамъ, пока наконецъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ не рѣшился опубликовать первую его часть въ видѣ печатной книги. Все было готово и для 2-й и 3-ей части, но обработка ихъ направила мысль И. Н. на новую сторону предмета, гдѣ онъ встрѣтился съ вопросами, еще не разрѣшенными наукой. И такова была добросовѣстность и строгость къ себѣ этого человѣка, что онъ остановился въ изданіи своего учебника, сталъ работать по этому новому вопросу, связанному съ происхожденіемъ растительныхъ видовъ и пришелъ къ цѣлому ряду важныхъ и интересныхъ выводовъ. — Но, къ величайшему сожалѣнію, въ его бумагахъ остались лишь небольшіе черновые наброски по этому вопросу, который интересовалъ его много лѣтъ.

Мы остановились на его научныхъ трудахъ для того, чтобы показать, какъ вѣрно отражали они его нравственную личность и какимъ строгимъ, глубокимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скромнымъ человѣкомъ смотритъ онъ на насъ со страницъ своихъ научныхъ работъ.

Но не ими одними измѣряется научное значеніе покойнаго. Съ его работами тѣсно связаны работы всѣхъ его многочисленныхъ учениковъ, и онъ является главой одной изъ наиболѣе значительныхъ русскихъ ботаническихъ школъ, ученики которой занимали и занимаютъ различныя кафедръ ботаники или приобрѣли себѣ извѣстность своими научными изслѣдованіями.

Удивительной способностью обладалъ И. Н. привлекать и группировать около себя научныя силы. Когда онъ садился за

работу, то тотчасъ же собирался вокругъ него кружокъ, который шелъ за нимъ, не смотря на то, что со стороны учителя не было ни задаванія работъ, столь распространеннаго въ западно-европейскихъ лабораторіяхъ, не было ни давленія къ работѣ въ той или другой области, были лишь примѣръ, глубокой интересъ къ дѣлу, съ какимъ относился ко всему И. Н., и серьезное, вдумчивое, а вмѣстѣ съ тѣмъ товарищеское отношеніе къ своимъ сотрудникамъ. Обращался-ли И. Н. къ изученію флоры окрестностей Москвы, вокругъ него образовывался кружокъ флористовъ и организовывались экскурсіи Лабораторіи Ботаническаго Сада, бывшія въ половинѣ 80-хъ годовъ, которыхъ до сихъ поръ не могутъ забыть ихъ бывшіе участники; садился онъ за микроскопъ за изслѣдованіе водорослей, занимающіеся въ лабораторіи Ботаническаго Сада превращались въ микроскопистовъ, доказывая это не только своимъ усердіемъ, но и рядомъ опубликованныхъ интересныхъ изслѣдованій, составившихъ объемистый томъ „Трудовъ Лабораторіи Ботаническаго Сада“.

Но не одни достоинства И. Н-ча, какъ руководителя научными занятіями, группировали вокругъ него молодая сила. Въ его искренней любви къ молодежи, участіи къ ея интересамъ, заботѣ о ней, которая выражалась не громкими фразами, а фактами и поступками — вотъ гдѣ лежалъ корень той связи, которая такъ сильна была между покойнымъ профессоромъ и его учениками. Молодые студенты, только что поступившіе въ Университетъ и увлеченные новизной обстановки, нерѣдко проходили мимо него, какъ мимо другого зауряднато преподавателя.

Но одна, двѣ бесѣды, болѣе близкое съ нимъ знакомство, и неволью устанавливалась та связь, которая крѣпла все больше и больше, такъ какъ ищущій находилъ гораздо больше того, что онъ могъ себѣ представить.

И если отношенія между студентами и профессоромъ отличались такой теплотой и задушевностью, какъ это указалъ еще въ прошломъ году одинъ изъ его слушателей — г. Арсеньевъ, то совершенно исключительныя отношенія устанавливались между И. Н. и его ближайшими сотрудниками — ассистентами и оставленными имъ при Университетѣ. Эти люди становились какъ бы членами семьи И. Н-ча, о которыхъ онъ заботился, какъ о близкихъ родныхъ. Начинались хлопоты по обезпеченію матеріальнаго положенія молодого ученаго. Если скудное ассистентское жалованье не могло удовлетворить нужды молодого человѣка, добывались уроки и занятія, при ближайшемъ участіи И. Н-ча. Послѣ сдачи ученикомъ магистерскаго экзамена, слѣдовали хлопоты о заграничной командировкѣ, которую получалъ цѣлый рядъ учениковъ И. Н-ча въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Этой командировкѣ онъ придавалъ большое значеніе, хотя самъ и не могъ воспользоваться ею своевременно. Нерѣдко случалось И. Н-чу придти на помощь своему ученику личными средствами, но это дѣлалось въ такой мягкой и деликатной формѣ, что мало стѣсняло принимающаго. И. Н. имѣлъ обыкновеніе поручать чтеніе одного изъ своихъ обязательныхъ курсовъ своему ученику, что бывало связано съ полу-

ченіем порядочнаго гонорара. И бывали случаи, что изъ трехъ курсовъ, которые излагалъ И. Н., два отдавались другимъ, а самъ профессоръ оставался лишь при одномъ. Чтобы оцѣнить все значеніе этого поступка, не нужно забывать, что матеріальное положеніе И. Н-ча все время было крайне тяжело и запутано и что онъ нуждался въ каждой копѣйкѣ.

Если его заботы о матеріальной сторонѣ своихъ учениковъ были настолько велики, то еще въ большей степени оберегалъ И. Н. научные интересы своихъ младшихъ сотрудниковъ и ихъ нравственныя потребности. Трудно писать объ этихъ чисто личныхъ отношеніяхъ; тѣ, кто испыталъ это на себѣ, увидятъ несомнѣнно, что въ этихъ словахъ нѣтъ и доли преувеличенія.

Поздно, уже будучи профессоромъ, попалъ И. Н. за границу, да и то на короткій срокъ лѣтнихъ каникулъ. Тамъ среди научной обстановки и научныхъ интересовъ провелъ онъ лучшіе часы своей жизни. Онъ имѣлъ случай познакомиться и близко сойтись съ знаменатымъ профессоромъ Страссбургскаго Университета — Де Бари, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ И. Н. такими словами характеризуетъ личность этого извѣстнаго ученаго. „Въ личности Де Бари есть нѣчто необычайно цѣлостное, сложившееся крѣпко на крѣпко и опредѣленное. Въ немъ нѣтъ веселаго добродушія Ко на (другой извѣстный нѣмецкій ученый), а скорѣе проглядываетъ внѣшняя суровость. Но, входитъ ли къ нему служитель, садовникъ или ассистентъ, студентъ или профессоръ, Вы видите ко всѣмъ совершенно одинаковое отношеніе, всегда внимательное. Все та же серьезная фізіономія, тотъ же привѣтливый взглядъ, когда у него чего-либо спрашиваютъ . . . . Невѣрь онъ (въ научныхъ вопросахъ) ужасный, и, прежде всего, замѣчательный учитель“.

Я привелъ эту характеристику, такъ какъ она можетъ быть приложена къ самому И. Н-чу, если только откинуть суровость, которой у него не было. Прибавимъ сюда еще одну черту его характера, на которую я указывалъ выше и которая такъ рѣзко выдѣляла его среди другихъ людей — его объективность. Онъ умѣлъ быть и былъ всегда внѣпартийнымъ человѣкомъ, дѣйствующимъ лишь по внутреннему убѣжденію, часто расходясь съ той партией, къ которой принадлежалъ по всему своему складу. И эта-то объективность вмѣстѣ съ другими особенностями его характера привлекала къ нему разнообразныхъ людей, шедшихъ за совѣтомъ, за сочувствіемъ, особенно въ смутные періоды борьбы партий и обостренныхъ отношеній. Въ его кабинетѣ можно было встрѣтить и его товарища профессора, и ученика, и служителя или садоваго рабочаго, пришедшаго въ ранній утренній часъ подѣлиться своимъ горемъ съ И. Н., попросить у него совѣта. И никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ.

Самой горячей привязанностью И. Н. всегда оставался Университетъ: передъ интересами послѣдняго отступали на задній планъ всѣ его личныя стремленія и симпатіи. Случалось, конечно, ошибаться и И. Н-чу, какъ всякому другому человѣку, но его

ошибки обуславливались всёю складомъ его ума и характера: онъ останавливался на известной идеѣ, быть можетъ, иногда и невѣрной, и проводилъ ее горячо, пока въ ней не разочаровывался. Онъ всегда дѣлалъ для дѣла, а не для отдѣльной личности или собственныхъ выгодъ, часто даже къ явному ущербу для себя.

Чѣмъ больше времени проходитъ со дня его смерти, тѣмъ болѣе и болѣе забываются его мелкіе недостатки, которые такъ свойственны всякому человѣку, и предъ глазами тѣхъ, кто близко зналъ покойнаго, возстаетъ его нравственный образъ — любящаго, сердечнаго, глубокаго, чуждаго всякой рисовки честнаго идеалиста, профессора и человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Не блестящаго или передового бойца, не университетскаго трибуна потерялъ въ немъ Московскій Университетъ, онъ лишился въ покойномъ великой нравственной силы, одного изъ тѣхъ краеугольныхъ камней, на которыхъ покоится университетское зданіе.

Болезнь подорвала его незаурядныя духовныя силы, заставила прежде времени сойти съ арены активной университетской дѣятельности, рано свела его въ могилу, но изъ своего скромнаго уголка онъ свѣтилъ всю жизнь ровнымъ, мягкимъ, непотухающимъ свѣтомъ, который согрѣвалъ всѣхъ тѣхъ, на кого падали его лучи.

В. Арнольди (Харьковъ).

А. А. Ячевскій оставилъ мѣсто завѣдывающаго фитопалеонтологической станціей при Имп. Ботаническомъ Садѣ. На его мѣсто назначенъ А. А. Еленкинъ.

Главнымъ Садовникомъ Тифлискаго Ботаническаго Сада назначенъ Е. Г. Книгъ.

Д. И. Сырейщиковъ приступилъ къ печатанію своей „Иллюстрированной флоры Московской губерніи“.

И. В. Палибинъ обрабатываетъ нынѣ сем. *Cystaceae* для изданія „Flora caucasica critica“ и проситъ о присылкѣ ему матеріала по адресу: С.-Петербургъ. Ботаническій Садъ, Аптекарскій островъ.

Ю. Н. Вороновъ заканчиваетъ обработку сем. *Frankeniaceae* для изданія „Flora caucasica critica“ и приступаетъ къ обработкѣ сем. *Geraniaceae* для того же изданія. Весьма было бы желательно, чтобы былъ посланъ возможно полный матеріалъ по обоимъ семействамъ, по адресу: С.-Петербургъ. Академія Наукъ. Ботаническій Музей.

Библиографія ¹⁾.

Віографіи и некрологи.

— *Amicus minor*. Воиѣатій Осиповичъ Булатовичъ. — Лѣсной Журн. 1905. В. 10. Стр. 1604—1610. (Съ портретомъ).

1) Въ интересахъ полноты отдѣла „Библиографія“ позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ русскимъ ботаникамъ съ усердною просьбой — присылать всѣ свои печатные труды, въ возможно скорѣйшемъ времени послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, въ Юрьевскій Ботаническій Садъ, для бібліотеки Сада, или,